

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ В СССР

FEATURES OF NATIONAL EDUCATION IN THE USSR

Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 42—59.
Siberia Humanitarian. 2023;(4):42—59.

Особенности национального воспитания в СССР

Научная статья
УДК 392/3(47+57)Р(=112.2)
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-42-59

Особенности воспитания детей у немцев Поволжья в конце XIX — начале XX в.: от рождения до конфирмации

Елена Анатольевна Арндт

Институт научных исследований и разработок, Саратов, Российская Федерация, earndt@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется система воспитания детей в крестьянских семьях немцев Поволжья в небольшой отрезок времени с конца XIX в. до депортации немецкого населения в 1941 г. в районы Казахстана, Сибири и Дальнего Востока. Среди главных составляющих можно выделить раннее привлечение детей к выполнению трудовых обязанностей, воспитание законопослушности, уважения старших и подчинения им, ответственности, аккуратности, опрятности, любви к музыке и песне, глубокой религиозности, обязательное обучение грамоте, сочетание наказаний и поощрений, ориентиры на внутрисемейные ценности и традиционную семью. Основой для сложившейся системы воспитания стали особенности хозяйства и быта, условия автономного и изолированного от соседнего окружения других поволжских народов существования этнической группы, уникальный язык общения, состоящий из сохранившихся диалектов германских земель второй половины XVIII в., высокодуховная культура, а также создание в 1924—1941 гг. единственного государственного образования немцев в России — Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья (АССР НП).

Ключевые слова: немцы Поволжья, этнические особенности, воспитание детей, семья, семейные ценности, Республика немцев Поволжья, немецкие колонии

Для цитирования: Арндт Е. А. Особенности воспитания детей у немцев Поволжья в конце XIX — начале XX в.: от рождения до конфирмации // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4. С. 42—59. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-42-59.

Features of national education in the USSR

Original article

Peculiarities of upbringing of children among the Volga Germans in the late XIX — early XX centuries: from birth to confirmation

Elena A. Arndt

Institute of scientific research and development, Saratov, Russian Federation, earndt@yandex.ru

Abstract. The article studies the system of upbringing of children in peasant families of the Volga region Germans in a small period of time from the end of the XIX century to the deportation of the German population in 1941 to the regions of Kazakhstan, Siberia and the Far East. Among the main components are early involvement of children in labor duties, education of law-abidingness, respect for elders and obedience to them, responsibility, neatness, tidiness, love of music and song, deep religiosity, compulsory literacy, a combination of punishments and rewards, orientation to intra-family values and traditional family. The peculiarities of economy and everyday life, conditions of autonomous and isolated existence of the ethnic group from the neighboring environment of other Volga peoples, unique language of communication consisting of the preserved dialects of the German lands of the second half of the XVIII century, highly spiritual culture, as well as the creation in 1924—1941 of the only state formation of the Germans in Russia - the Autonomous Soviet Socialist Republic of the Volga Germans (ASSR NP) — became the basis for this system of education.

Keywords: Volga Germans, ethnic characteristics, child rearing, family, family values, Republic of Volga Germans, German colonies

For citation: Arndt E. A. Peculiarities of upbringing of children among the Volga Germans in the late XIX — early XX centuries: from birth to confirmation. *Siberia Humanitarian*. 2023;(4):41—58. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-4-41-58.

Население в более чем 23 тыс. человек первых 105 колоний поволжских немцев, основанных переселенцами на правом и левом берегу Волги, согласно статистике удваивалось каждые 20 лет [1, с. 75] и в 1941 г. составило 605,6 тыс. человек [2, с. 189], а число поселений достигло 250. Данные показатели — результат высокой рождаемости, обусловленной успешной социально-экономической и хозяйственной адаптацией на новой родине в Поволжье. Низкий процент младенческой смертности и хороший показатель дожития детей до взрослого состояния в период до Октябрьской революции обуславливали наличие в семье поволжского немца в среднем пяти-шести детей.

В больших немецких семьях могли одновременно проживать несколько поколений, и такая семья насчитывала порою под одной крышей 25—30 человек (с. Прайс) и даже 42 (с. Визенмиллер) [3, с. 128—129]. Каждое поколение передавало последующему сохраненные в условиях проживания на новой родине мировоззрение, образ жизни, внутрисемейный уклад, обычаи и обряды, традиции, нормы и правила поведения, особенности религиозного культа. Сложившаяся система воспитания способствовала передаче хозяйственного опыта и навыков, необходимых для дальнейшего воспроизводства, роста числа и развития немецких поселений, формирования уникальной этнической общности и создания единственного государственного образования среди немцев России — Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья (АССР НП).

Воспитание детей, веками ориентированное на традиционную семью и внутрисемейные ценности, начиналось у поволжских немцев с самого рождения. Новорожденный сразу попадал в особую среду, где с первых дней жизни впитывал родную речь, засыпал под колыбельные песни, суще-

ствовал в строгом режиме дня, привыкал к определенному режиму питания, нормам гигиены. И хотя грудного младенца кормили по его потребностям и по первому крику, все равно ориентир был незыблем. А. Лонзингер писал: «Немцы едят утром (*Zumorgenessen*) в 5.00—6.00 утра, в полдень в 11.30—12.00 (*Mittagessa, Zumittagessen*) и в 19—20 часов вечера (*zu Nacht*)» [4, с. 165]. Со временем и кормление малыша подстраивалось под режим большой семьи.

Все это оказывало влияние на его будущее восприятие окружающего мира еще до того, как он начинал произносить первые слова. В воспитании мальчиков и девочек, которых в семье называли просто *Kindje* (лит. *das Kind, ребенок, дитя, малыш*), в первые два-три года особых различий не делали. Первый наряд, универсальный и для мальчика и для девочки, состоял из крестильной рубашечки и чепца для торжественного выхода «в люди», например в церковь для совершения церковного таинства приобщения к богу — крещения. В семьях с высоким достатком крестильный наряд был у каждого ребенка свой. Его бережно хранили в сундуке всю жизнь. В семьях попроще такая одежда переходила по наследству, а бедняки нередко брали ее напрокат, так как в любом случае такой наряд должен был быть. И католики и лютеране придавали первому в жизни человека церковному таинству огромное значение. Родители верили, что, окрестив как можно скорее, уберегут ребенка от бед и невзгод, сохранят его

в этом мире. Кроме того, считалось, что ребенок становится после крещения спокойнее и меньше плачет. А в случае непредвиденной смерти, они верили, он будет спасен от одиночества без божьего покровительства в мире ином [3, с. 136].

Длинная рубашечка, чулочки, носки и чепчики, без различия в покрое и цветовой гамме, с бантиками и бусинками, оборочками (фото 1) или совсем простые, были также одинаковыми для девочек и мальчиков практически до двух-трехлетнего возраста. Лишь у поздних переселенцев, меннонитов, в Самарский губернии встречались различия в младенческих чепцах: у мальчиков была вставка из ткани синего цвета, у девочек — красного.

Особое место в раннем воспитании детей занимали мелодичные колыбельные песни, призванные успокоить и убаюкать малыша, окружить его теплом, заботой и лаской, защитить от всякой нечисти. Их незамысловатые

тексты тесно связаны с крестьянской жизнью. Например, *Schlaflied* (колыбельная), передаваемая из поколения в поколение в разных вариантах, пришедшая из детства А. Я. Минора (Саратов), с родины его предков:

Mundar von Preis (на диалекте колонии Прайс)

Schlouf, mein Kindje schlouf.
Dein Paba hütt die Schouf,
Die Mame hüt't die Lämmerjer
Und bringt 'ä Schürz voll Blumerjer.

Фото 1. Чепец для детей без различия пола.

Начало XX в. Саратовский областной

музей краеведения, основной фонд

Photo 1. A cap for children without distinction
of gender. The beginning of the XX century.

Saratov Regional Museum of Local Lore, the main fund

Die roude macht mein Kindje marode,
Die gehle will mein Kindje stehle,
Die bloue will mein Kindje bedrohe,
Die schwarze will mein Kindje kratze.

(Мама или няня легонько царапает животик или ручку ребенка).

Спи, мой малыш, спи.
Твой папа пасет овец,
Твоя мама пасет ягнят
И принесет полный передник цветов,
Красные делают моего ребенка усталым,
Желтые хотят моего ребенка украсть,
Синие хотят моему ребенку угрожать,
Черные хотят моего ребенка поцарапать.

Помимо колыбельных малышей развлекали (пестовали) нехитрыми детскими игровыми песенками, вызывая смех и отвлекая от плача и капризов. Ребенка сажали на колени лицом к взрослому, держали за руки, чтобы не упал, и, имитируя скаканье лошадки, проговаривали в ритм:

Troß, troß, trildje
Der Bauer hod `ä Fildje,
`s Fildje kann net laawa,
der Bauer will `s verkaawa.
Troß, troß, trildje
Der Bauer hod `ä Fildje,
s` Fildje kann net laawa,
springt iwer den Grawe,
Springt iwer `s Kellersloch.
Pumm ta lum, pumm ta lum, pumm ta lum
ta liecht es trunne in dem Loch*.

Трос, трос, трильде (непереводимое сочетание слов).
У крестьянина есть жеребенок,
Жеребенок не может ходить,
Крестьянин хочет его продать.
Трос, трос, трильде,
У крестьянина есть жеребенок,
Жеребенок не может ходить,
Прыгнул через ров,
Прыгнул через ямку (погреб).
Пум та лум, пум та лум, пум та лум (непереводимое сочетание слов).
Да и лежит теперь в ямке.

На эти слова взрослый немного отпускает руки, и ребенок как бы падает в яму, из которой взрослый его затем вытаскивает. Ребенку и страшно и весело. Очень напоминает всем знакомую русскую игру «По кочкам, по кочкам, по ровненьким дорожкам, в ямку бух...»

Некоторые так называемые пестушки носили развлекательно-познавательный характер и предназначались больше для девочек (диалект села Кано Гмелинского кантона АССР НП). Мама сажала девочку на колени, брала в руки куклу, показывала на кукольном лице и приговаривала:

Ägeldje, Ägeldje.
Pägeldje, Pägeldje.

* Из семьи А. Я. Миннора.

Lecheldje, Lecheldje.
Näsje. Mäuldje.
Schtandja. Zop, zop Kindje!

Глазки, глазки.
Щечки, щечки.
Дырочки, дырочки (в носике).
Носик, ротик, подбородок.
Чубчик цоп!*

Поражает присущая почти поголовно всем немцам любовь к музыке, песням, сочинению частушек и баллад, которую они проносили через всю жизнь и сохранили потом на спецпоселении далеко за пределами Поволжья. Как правило, в семье был какой-нибудь музыкальный инструмент, а порою и несколько. Откуда это? От колыбельных или пришло вместе с переселенцами с далекой исторической родины? В некоторых семьях складывался целый оркестр, причем, что немаловажно, мелодии обычно подбирались исключительно на слух, так как ни у кого не было музыкального образования (фото 2). Среди инструментов были гармошка, флейта, скрипка и весьма распространенный у поволжских немцев инструмент хакпред (*хакпред* — дословно доска для рубки мяса). Внешне он представляет собой деревянное основание в виде плоской трапеции с натянутыми вдоль нее струнами. Звук извлекается ударом двумя кленовыми палочками с закругленными концами.

Фото 2. Семья Дукарт во время домашнего концерта. В центре хакпред. 1950 г. Казахстан.

Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
Photo 2. The Ducart family during a home concert. There is a hacker in the center. 1950. Kazakhstan.
Saratov Regional Museum of Local Lore, the main fund

* Ребенок потом показывал все это на себе и выучивал правильные названия (Т. Граф, село Николаевка Краснотуранского р-на, Красноярского края).

В период молодежных гуляний парни, снимающие помещения для вечеринок, порою не имеющие средств для оплаты музыкантов, устраивали импровизированное музыкальное сопровождение, играя на губах. Существовал целый репертуар таких мелодий, под которые можно было весело провести время и потанцевать с понравившейся девушкой [3, с. 108].

Маленькие дети, еще не умевшие ходить, спали в детских колыбелях, которые изготавливал дед или отец, они переходили по наследству и успевали послужить не одному поколению детей. Закругленные ножки кровати позволяли матери в такт колыбельной слегка укачивать младенца.

Во время работы научно-исследовательских экспедиций Саратовского областного музея краеведения и МАИИКРН в 1990-х гг. в бывших немецких колониях Поволжья удалось выяснить, что колыбели существовали двух видов: классическая напольная качалка — *Wik* (фото 3) и подвесная *Pambl* в виде небольших носилок примерно 90×70 см. *Pambl* коренным образом отличалась от русской люльки оригинальной системой подвешивания на вожжах или даже красивых цепях, соединенных вместе и прикрепленных к единому прочному жгуту (в начале XX в. жгут нередко заменяла пружина), который крепился к массивному кованому крюку в потолке. Принцип раскачивания был скорее вертикальный, чем горизонтальный. Из рассказов респондентов следует, что *Pambl* часто использовали наряду с *Wik* с целью экономии места, поскольку в доме, где проживало столько людей, было тесновато, да и в семье могло быть одновременно несколько младенцев у двух-трех снох [5]. За счет жесткого крепления *Pambl* выдерживала значительный вес восьми-девятилетних мальчишек, которые залазали туда и качались, положив младенца себе на колени, развлекаясь таким образом в зимнее время.

Фото 3. Колыбель напольная *Wik*. Конец XIX — начало XX в. С. Швед Николаевского уезда Самарской губернии. Марковский музей краеведения, основной фонд

Photo 3. Floor cradle *Wik*. Late XIX — early XX c. S. Shved, Nikolaevsky district, Samara province. Marx Museum of Local History, the main fund

На третьем или четвертом году жизни ребенка начинают проявляться различия в воспитании девочек и мальчиков. Сначала это происходит в одежде: девочкам надевают кофточки, юбочки, платьица. Было широко распространено платье без застежки *Stripprückelcha*, нечто производное от длинной рубашки для удобства надевания через голову (фото 4). На ноги — самодельные крошечные тапочки, в качестве домашней обуви — вязанные *чуньки*, похожие на короткие носочки. Кстати, такие чуньки носили и взрослые и дети, все без разбору, говорят, что в Новоузенском уезде Самарской губернии такую обувь у немцев позаимствовали и местные русские крестьяне [6, л. 8].

Фото 4. Платье для девочки *Stripprückelcha*. Начало XX в.
Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
Photo 4. A dress for a girl *Stripprückelcha*. Early 20th century.
Saratov Regional Museum of Local Lore, the main fund

Мальчикам полагались рубашки и порты с помочами (фото 5). Бывало, что из одной и той же ткани девочкам шили чепчик или капор, а мальчикам — колпачок, совсем как на исторической родине где-нибудь в Гессене или Баварии. Сохранившиеся предметы детской одежды конца XIX — начала XX в., а также исследования А. Лонзингера [7], воспоминания П. К. Галлера [8] позволяют сделать вывод, что детей одевали по образу и подобию взрослых. В этом заключался глубокий воспитательный момент, способствующий быстрому взрослению детей, их подготовке к будущей взрослой жизни.

Фото 5. Одежда мальчиков из семьи Келлеров. 1954 г. Сибирь. Личный архив
Photo 5. Clothes of boys from the Keller family. 1954. Siberia. Personal archive

Не обходилось и без особенностей. Одежда несла в себе функционал формирования опрятности. В конце XIX в. встречается такой необычный наряд для крестьянского ребенка того времени, как комбинезон для мальчика трех-четырех лет с прорехой между ног для соблюдения гигиенических правил (фото 6). Вообще-то он явился полным аналогом нижнего женского белья зажиточной крестьянки *Unerhose* (нижние штаны). К горшку стремились приучить как можно раньше, месяцев с двух, сразу после кормления держали над ведром или тазом на вытянутых руках горизонтально, позже высаживали на специальный стульчик с отверстием над горшком. Это было связано еще и с трудоемкостью процесса стирки, высушивания и ухода за одеждой, ее сохранностью. Второй гигиенический навык прививался во время кормления ребенка, уже фактически отлученного от груди. *Priestlappe* (нагрудная тряпочка) — детский нагрудник, русский *слюнявчик*, надевали перед кормлением всем малышам без исключения. Несмотря на скромную роль защитника от грязи, он зачастую был не просто тряпочкой, а настоящим произведением искусства (фото 7). Особенностью воспитания аккуратности и опрятности было повсеместное использование детьми носовых платков и специальных сумочек-кармашков для них *Handtasch* (фото 8), так как из кармана на одежде или рукава у подвижных детей платочек часто выпадал. Сморкание в кулак, в рукав или на землю всячески осуждалось. Не приветствовалось и щелканье семечек на улице.

Фото 6. Комбинезон с прорехой Hosen для мальчика. Конец XIX в. С. Шиллинг Камышинского уезда Саратовской губернии. Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
Photo 6. Hosen overalls with a gap for a boy. Late 19th century. S. Shilling, Kamyshinsky district, Saratov province. Saratov Regional Museum of Local Lore, the main fund

Фото 7. Нагрудник детский Priestlappe. Начало XX в. С. Шиллинг Камышинского уезда Саратовской губернии. Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
Photo 7. Priestlappe baby bib. The beginning of the XX century. S. Schilling Kamyshinsky district of Saratov province. Saratov Regional Museum of Local Lore, the main fund

Фото 8. Кармашек (сумочка) для носового платка Handtasch. Начало XX в. Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
Photo 8. Pocket (handbag) for a Handtasche handkerchief. The beginning of the XX century. Saratov Regional Museum of Local Lore, the main fund

Девочки пяти-шести лет в подобном кармашке носили, помимо платочка, маленький вязальный крючок и клубочек ниток. В свободную минуту они вязали воротнички, салфетки, узкие полоски кружев [9]. Девочка не должна была бездельничать и лениться. *Langes Fädje, faules Mädje* («Длинная ниточка — ленивая девочка») (диалект села Кано). Так говорила бабушка Татьяна Граф, когда девочка вдевала в иголку слишком длинную ниточку, чтобы каждый раз не вдевать новую. А мальчикам при этом дедушка говорил: «*Morje, morje, no net heit — saa ale vaule ljait*» («Завтра, завтра, но не сегодня, — говорят все ленивые люди») (диалект села Кано). Девочек уже начинают называть *Mädje* (от лит. *das Mädchen* — девочка), а мальчиков *Knowe* (лит. *der Knaub* — мальчик) [9].

Практически с самого раннего возраста начиналось и религиозное воспитание. По вечерам всей семьей читали Евангелие, заучивали псалмы и песни религиозного содержания, рассказывали детям о том, что можно и нельзя и за какие провинности безотлагательно последует наказание Божье. Для поволжских немцев во второй половине XIX в. раз в пять лет издавались специальные сборники песнопений, а церковь внимательно следила, чтобы законопослушные крестьяне не забывали прикупить постоянно обновляющийся сборник.

И все-таки изначально самым главным в воспитании ребенка была подготовка к труду и сам труд. Эта линия проводилась через все детские и юношеские годы как подготовка к самому главному предназначению в жизни, согласно убеждению немецких крестьян. Начиналось все с детских игрушек. Куклы для девочек были точной копией взрослого человека, изготовленные с мельчайшими деталями: с лицом, волосами, руками, кистями рук и пальчиками, с ногами, что резко отличало их от кукол русских детей. На изготовление кукол, их одежды, кукольной постели для миниатюрной кукольной кровати *Wik* использовали лоскутки ткани, старую изношенную одежду. В хозяйстве ничего не пропадало. Девочки с ними играли, воспроизводя сцены той жизни, участниками которой они были. Кукол «кормили», одевали, на них шили и вязали одежду, включая маленькие чулочки, укладывали спать, пели им колыбельные песни и т. п. Известный лингвист и этнограф Август Лонзингер писал:

А в сельской местности так много игрушек, которые ребенку не заменят самые дорогие вещи: это всякие камешки, веточки, листочки, цветочки, жучки, кости, деревянные гвозди, черепки битого стекла и фарфора, тряпки, щенки, котята, кролики, ящерицы, зерно, фасоль, горох и т. д., и т. д., и т. д. — все, что ребенок находит и открывает, он включает в свои игры. Все эти вещи связаны с повседневным крестьянским бытом, и ребенок использует их для придумывания игр, уходящих своими корнями в крестьянскую жизнь: пахота, сев, посадка деревьев, уход за лошадьми, продажа зерна, помол муки, выпечка пирогов, свадьбы, похороны, споры и потасовки, собрания, подъем красного флага и прочее. Для всех этих игр, которые имитируют реальную жизнь, деревенский ребенок использует бесконечное количество вещей, которые тоже можно назвать игрушками [7, с. 227].

Игрушки мальчиков состояли из маленьких лопаток, вил, молоточков, молотильных камней, камешков, косточек животных. Однако самой желанной игрушкой всегда была лошадка во всех видах: от лошадиной головы на палочке, на которой можно было лихо скакать по деревне, до хороших размеров коня, сшитого из шинельного сукна, и украшенного конской сбруей, как у настоящего животного, на деревянной подставке с колесиками (фото 9). Лошадь — главное животное в крестьянском хозяйстве, символ трудолюбия и надежности. Не случайно такую игрушку мальчишки всегда ждали на Рождество в качестве подарка.

Фото 9. Игрушка-лошадка Gaul, Kail. Начало XX в. С. Блюменфельд Новоузенского уезда Самарской губернии. Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
Photo 9. Toy horse Gaul, Kail. The beginning of the XX century. S. Blumenfeld of the Novouzensky district of the Samara province. Saratov Regional Museum of Local Lore, the main fund

Скромные подарки в крестьянских семьях на Рождество также вписывались в воспитательную систему. С одной стороны, невольно способствовали осуждению и наказанию бездельников и проказников, с другой — поощряли за трудолюбие, послушание, аккуратность, успехи в учебе. Поощрение выражалось в сладких подарках в виде выпечки, конфет — одним побольше, другим меньше. Наказание приходило в виде мифического существа *Pelznickel* (дословно — Николаус в меховой шубе), который пугал шалунов своим внешним видом. В вывернутой мехом наружу шубе, гремящий цепями и с розгами в руках, он перечислял провинности шалунов за год, проявляя при этом удивительную осведомленность. Конечно, наказание было более чем символичным. Добрая фея *Kriestkindchen* (Христово дитя), приходившая на смену лохматому чудовищу, сглаживала ситуацию, выслушав извинения проказников и уверения, что подобное не повторится [1, с. 393].

Christkinche “Knoche”,
 Bet ich alle Woche,
 Bet ich alle verzenTag
 Dass es net meh
 Komme mag [10, s. 152]

Кристхен,
 Буду молиться всю неделю,
 Я буду молиться 14 дней,
 Больше этого никогда не случиться.

Начиная с пяти-шести лет дети поволжских немцев уже активно трудились дома. Девочки помогали матери убирать дом, мыть посуду, ухаживать за младшими братьями и сестрами. Мальчики также были няньками для ма-

лышей, кормили их, одевали, гуляли с ними (фото 10). Мальчишки девяти-десяти лет придумывали всякие хитрости, чтобы обязанности няньки не мешали погулять и поиграть. Сажали младших в глубокий ящик на колесах в виде тележки и таскали его за собой. Ребенок вылезти не мог. А чтобы он не плакал, его занимали пережеванным хлебом, завернутым в тряпочку, который служил соской. Вечером мать получала сонного, растрепанного, немного заревавшего, но «убаюканного» длительным катанием целого и невредимого малыша.

*Фото 10. Дети. 1920-е гг. Автономная область немцев Поволжья.
Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
Photo 10. Children. The 1920s. The Autonomous region of the Volga Germans.
Saratov Regional Museum of Local Lore, the main fund*

Во время коллективизации, колхозного строительства кормящие мамы вынуждены были работать в поле, смотреть за детьми оставались подростки. Респондент из села Медведицкое Жирновского района Волгоградской области рассказал о своем изобретении. Будучи 15-летним подростком, он придумал свою систему связи с молодыми матерями: когда просыпался малыш одной из невесток, он поднимался на крышу и размахивал флажком определенного цвета. Снох было три, и каждой соответствовал флаг с полотнищем определенного цвета — белый, голубой, черный [11]. В АССР НП почти в каждом селе создавались детские сады и ясли, позволявшие женщинам выходить на работу почти сразу после родов (фото 11). В период голода 1932—1933 гг. в детских садах немецкого Поволжья в летнее время спасали детей школьного возраста, их там кормили и поддерживали в то тяжелое время.

*Фото 11. Детский сад. 1930 г. С. Мюльберг. АССР НП.
Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
Photo 11. Kindergarten. 1930. S. Muhlberg. ASSR NP. Saratov Regional Museum
of Local Lore, the main fund*

По неписаному закону девушки-подростки занимались поддержанием чистоты на улицах, каждую пятницу подметали часть двора и половину улицы до середины дороги, а мальчики посыпали песком. В Николаевской волости, будущем Маркштадском кантоне АССР НП девушки в течение светового дня занимались изготовлением соломенной плетенки, из которой потом шили шляпы. Плетенка стоила недорого, всего несколько копеек за полноценную штуку, но на керосин и спички хватало. По вечерам обязанностями девушек было прядение и ткачество, перематывание нитей в уток. Начиная с восьми-десяти лет детей привлекали и непосредственно к работам в поле (фото 12).

В 1930-х гг., в колхозные времена, дети собирали различных вредителей урожая, занимались прополкой сорняков, помогали собирать овощи. Дети разного возраста также были основными помощниками женщин в трудоемком процессе приготовления табака, требовавшем круглогодичной работы, начиная с посадки рассады в феврале, прополки, обрывания листьев, до их сушки и переработки сухого сырья в готовый продукт (фото 13).

Фото 12. Немцы на полевых работах. 1880 г. Фото П. П. Пятницкого.
Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
Photo 12. Germans at field work. 1880. Photo by P. P. Pyatnitsky. Saratov Regional Museum of Local Lore, the main fund

Фото 13. Немцы на обработке табачного сырья. 1912 г. С. Нидермонжу Николаевского уезда Самарской губернии. Энгельсский краеведческий музей, основной фонд
Photo 13. Germans processing tobacco raw materials. In 1912. The village of Niedermonzhu of the Nikolaevsky district of the Samara province. Engels Museum of Local Lore, main fund

Воспитание и обучение в школе были неразрывно связаны. Процент грамотности среди взрослых и детей до революции и после у немцев Поволжья был намного выше, чем в целом по России [12, с. 194]. Родители пристально следили за добросовестным отношением к учебе. Ребенка старались обеспечить всеми необходимыми для учебы школьными принадлежностями: пеналом (фото 14), специальным мешком для учебников и тетрадей или небольшим деревянным сундучком *Holzkestje* (фото 15). Да и в самой школе существовал способ стимулирования прилежности в виде наказания розгами вплоть до Октябрьской революции.

Фото 14. Пенал школьный Э. Зиннер. Начало XX в. С. Шиллинг Камышинского уезда Саратовской губернии. Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
Photo 14. E. Zinner school pencil case. The beginning of the XX century. S. Shilling of Kamyshinsky district of Saratov province. Saratov Regional Museum of Local Lore, the main fund

Фото 15. Портфель первоклассника Holzkestje. 1934 г. Принадлежал И. Гребу. С. Кано Гмелинского кантона АССР НП. Коллекция Т. Граф
Photo 15. The portfolio of the first-grader Holzkestje. 1934. Belonged to I. Greb. S. Kano of the Gmelinsky canton of the ASSR NP. Collection of T. Graf

Процесс взросления опять же определялся религиозными нормами. В частности, это выражалось в обряде конфирмации у лютеран, проходившем в возрасте 14-15 лет. Суть обряда в том, что ребенок приходил к Богу, сдавал экзамен на знание Закона Божьего, получал первое причастие и становился ответственным перед Всевышним за свои поступки, снимая эту обязанность с родителей. У католиков этот обряд был, скорее, просто обрядом, поскольку проходил раньше — в 9-12 лет. У тех и у других все обставлялось красиво и торжественно. Девочку-католичку одевали как невесту (фото 16), лютеранку — просто в светлое платье, а юношу в строгий костюм (фото 17). Глубокий смысл заключался в начале вступления во взрослую жизнь. Молодежи больше позволялось. Парни считались с этого момента *ledig* (холостыми) [3, с. 106], могли участвовать в гуляниях, вечерних молодежных сборищах и посиделках. Позволялось подольше гулять, более открыто ухаживать за понравившимися девушками, втихоря покурить и уже начать задумываться о будущей женитьбе и самостоятельной жизни.

*Фото 16. Девочка-католичка после конфирмации. 1912 г. г. Екатериненштадт.
Энгельский краеведческий музей, основной фонд
Photo 16. A Catholic girl after confirmation. 1912. The city of Ekaterinenstadt.
Engels Museum of Local Lore, main fund*

*Фото 17. В. Шледевиц после конфирмации. 1930 г. Саратов.
Саратовский областной музей краеведения, основной фонд
Photo 17. V. Shledevits after confirmation. 1930. Saratov. Saratov Regional Museum
of Local Lore, the main fund*

Тем не менее родители окончательно не снимали с себя ответственность за молодое поколение. Особенно это касалось девушек. И мать и отец зорко следили за девушкой на выданье, которую нужно было отдать целомудренной в новую семью. Для участия в молодежных собраниях и гуляниях парни должны были отпросить девушку у матери, гарантировав ее безопасность и возвращение домой в оговоренное время. В период ухаживания старшие братья и отец смотрели за тем, чтобы девушку не оговорили, не нанесли урон ее репутации, не подкинули во время гуляний на Троицу мусор под ворота, не украли майское дерево, которое устанавливали ухажеры, а если такового не было, то могли и сами его установить, чтобы девушка не чувствовала себя обиженной и не выглядела плохо в глазах односельчан [3, с. 109].

Такие черты, как законопослушность, а также уважительное отношение к старшим, прививались поведением старшего поколения. Такое воспитание было, выражаясь современным языком, «по умолчанию», просто так вели себя прадеды, затем дедушка с бабушкой, родители, и такое отношение складывалось изначально. Закон и порядок нужно уважать, ему надо подчиняться. Издавна было принято к старшим, будь то дедушка с бабушкой, родители, другие родственники, старшие по возрасту, обращаться исключительно на *вы*. Подчинение взрослым было беспрекословным. Будь то обучение в школе, посещение церкви, участие в работах по дому, во дворе, в поле, выполнение каких-либо поручений и заданий. Наконец, мнение родителей было решающим при выборе жениха или невесты. Особенно тяжело было снохам и женатым сыновьям, ибо представители старшего поколения буквально довели над ними во всех вопросах хозяйственной жизни и внутрисемейных отношений. Не случайно женатые сыновья стремились отделиться и жить самостоятельно [3, с. 120]. Снохи вообще не имели права голоса, и такой эксплуатации женщины, как у поволжских немцев, не было ни у одного народа Поволжья.

После депортации поволжских немцев в 1941 г., разрушения этнической общности долгое время система воспитания детей и традиционных семейных ценностей в своих главных составляющих сохранялась и отчасти сохраняется до сих пор. Это и трудовое воспитание, и воспитание ответственности, аккуратности, любви к музыке и песне, уважения к старшим, патриотизма, несмотря на тяжелые последствия выселения, трудовой армии и режима спецпоселения.

Список источников

1. Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов. М. : Готика, 1998. 496 с.
2. Герман А. А. Немцы Поволжья // Российские немцы. М. : Наука, 2021. С. 179—197.
3. Минор А. Я. Этнолингвистические исследования А. А. Дульзона. Саратов, 2011. 204 с.
4. Lonsinger A. F. Sachliche Volkskunde der Wolgadeutschen. Saratow, 2022. 256 s.
5. Научный отчет об экспедиции в Красноармейский район Саратовской области. 1995 // Научный архив Саратовского областного музея краеведения (НА СОМК). Ф. 1332. Оп. 1.
6. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 558. Оп. 2. Д. 302.
7. Лонзингер А. Ф. Материальная этнография немцев Поволжья. Саратов, 2022. 256 с.
8. Воспоминания П. К. Галлера (быт немцев-колонистов в 60-х гг. XIX в.). Саратов, 1927. 71 с.
9. Научный отчет об экспедиции в Ровенский район Саратовской области. 1992 г. // НА СОМК. Ф. 1219. Оп. 1.
10. Meyer E. H. Deutsche Volkskunde. Straßburg, 1898. 386 s.
11. Научный отчет об экспедиции в Жирновский район Волгоградской области. 1997 // НА СОМК. Ф. 1417. Оп. 1.
12. Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 416 с.

References

1. Dits Ja.E. Istorija povolzhskih nemcev-kolonistov [History of Volga Germans-colonists]. Moscow, Gotika, 1998, 496 p.
2. German A.A. Nemcy Povolzh'ja [Germans of the Volga region], *Rossijskie nemcy [Russian Germans]*. Moscow, Nauka, 2021, pp. 179–197.
3. Minor A.Ja. Jetnolingvističeskie issledovanija A.A. Dul'zona [Ethnolinguistic research by A.A. Dulzon]. Saratov, 2011, 204 p.
4. Lonsinger A.F. Sachliche Volkskunde der Wolgadeutschen [Factual folklore of the Volga Germans]. Saratov, 2022, 256 p.
5. Nauchnyj otčet ob jekspedicii v Krasnoarmejskij rajon Saratovskoj oblasti. 1995 [Scientific report on the expedition to the Krasnoarmeysky district of the Saratov region. 1995], *Nauchnyj arhiv Saratovskogo oblastnogo muzeja kraevedenija (NA SOMK) [Scientific Archive of the Saratov regional museum of local lore (NA SOMK)]*, coll. 1332, aids 1.
6. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Samarskoj oblasti [Central State Archive of the Samara region], coll. 558, aids 2, fol. 302.
7. Lonzinger A.F. Material'naja jetnografija nemcev Povolzh'ja [Material ethnography of the Volga Region Germans]. Saratov, 2022, 256 p.
8. Vospominanija P.K. Gallera (byt nemcev-kolonistov v 60-h gg. XIX v.) [Memories of P.K. Galler (life of German colonists in the 60s of the XIX century)]. Saratov, 1927, 71 p.
9. Nauchnyj otčet ob jekspedicii v Rovenskij rajon Saratovskoj oblasti. 1992 g. [Scientific report on the expedition to the Rivne region of the Saratov region. 1992], *NA SOMK [NA SOMK]*, coll. 1219, aids 1.
10. Meyer E.H. Deutsche Volkskunde [German folklore], Straßburg, 1898, 386 p.
11. Nauchnyj otčet ob jekspedicii v Zhirnovskij rajon Volgogradskoj oblasti. 1997 [Scientific report on the expedition to Zhirnovsky district of Volgograd region. 1997], *NA SOMK [NA SOMK]*, coll. 1417, aids 1.
12. German A.A. Nemeckaja avtonomija na Volge [German autonomy on the Volga]. Saratov, Izd-vo Saratov. un-ta, 416 p.

Информация об авторе

Арндт Елена Анатольевна — научный сотрудник, автономная некоммерческая организация Институт научных исследований и разработок, Саратов, Российская Федерация. E-mail: earndt@yandex.ru

Information about the author

Elena A. Arndt — Researcher, autonomous non-profit organization Institute for Scientific Research and Development, Saratov, Russian Federation. E-mail: earndt@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 19.07.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 18.09.2023.

The article was submitted 19.07.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 18.09.2023.